

MISCELLANEA

Научная статья
УДК 902.64
doi: 10.17223/2312461X/47/8

Погребальные комплексы с кремированными останками человека на древней поверхности по материалам памятника Усть-Зелинда-2 (Северное Приангарье)

Петр Иванович Шульга¹
Артем Евгеньевич Гришин²
Жанна Валерьевна Марченко³
Юрий Николаевич Гаркуша⁴

^{1, 2, 3, 4} *Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия*
⁴ *garkusha_y@list.ru*

Аннотация. Представлены сведения по редкой разновидности погребальных комплексов Северного Приангарья – скоплениям остатков полной кремации человека и сопроводительного инвентаря на древней поверхности, происходящих с памятника Усть-Зелинда-2 (могилы группы 3). Вероятно, это следы разрушенных «воздушных» погребений кремированных останков. Сожжение проводилось вне исследованных границ памятника. Могилы являются комплексами открытого типа, их датирование возможно только по предметному комплексу. Первоначально комплексы группы 3 датировались исследователями памятника широко – со второй половины I тыс. до н.э. до конца I тыс. н.э. После раскопок могильника Пинчуга-6 в том же регионе (П.В. Мандрыка, П.О. Сенотрусова) появилось мнение о более узкой дате погребений группы 3 на Усть-Зелинде-2 в рамках второй четверти I тыс. н.э.

В статье предлагается датировать большую часть материалов из погребений группы 3 с Усть-Зелинды-2 эпохой раннего железа (V–III вв. до н.э.) на основании анализа предметного комплекса, в первую очередь бронзовых изделий. В целом группа 3 близка по времени к могилам с остатками полной кремации человека в небольших ямах на этом же памятнике (группа 2, опубликованная ранее). Эти погребения значительно отличаются сопроводительным инвентарем и, соответственно, датой бытования от комплексов с остатками полной кремации человека на древней поверхности на Пинчуге-6.

Фигурные («птицеголовые») поясные бляхи сбруйного типа, обнаруженные в непосредственной близости от скопления кремированных костей на Усть-Зелинде-2, предлагается также предварительно относить к комплексам группы 3 эпохи раннего железа. Вопрос о культурной принадлежности захоронений группы 3 и происхождении традиции полной кремации умерших для Северного Приангарья остается открытым.

Ключевые слова: Северное Приангарье, эпоха раннего железного века, кремация, погребения на древней поверхности, бронзовые бляхи сбруйного типа, «птицеголовые» бляхи

Благодарности: исследование проведено в рамках проекта FWZG-2025-0001 «Сибирь и сопредельные территории: изучение и реконструкции историко-культурного прошлого». Антропологические определения выполнены мл. науч. сотр. ИАЭТ СО РАН Е.А. Кербс (Казаковой).

Для цитирования: Шульга П.И., Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н. Погребальные комплексы с кремированными останками человека на древней поверхности по материалам памятника Усть-Зелинда-2 (Северное Приангарье) // Сибирские исторические исследования. 2025. № 1. С. 157–183. doi: 10.17223/2312461X/47/8

Original article

doi: 10.17223/2312461X/47/8

The Burials Complexes with Cremated Human Remains on the Level Ancient Soil Surface on the Ust'-Zelinda-2 Site's Materials (Northern Angara Area)

Petr I. Shulga¹, Artem E. Grishin²,
Zhanna V. Marchenko³, Yuri N. Garkusha⁴

^{1, 2, 3, 4} *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation*
⁴ *garkusha_y@list.ru*

Abstract. In the paper represented evidence of rare variant of burial complexes of the Northern Angara area are the collection remains of full human cremation and accompanying tools on the level ancient soil surface which are originated from the Ust-Zelinda-2 site (burials of the 3rd group). Possibly these are the traces of destroyed “open-air” burials with cremated remains. Cremation was done outside of the studied site’s boundaries. Graves are complexes of “open” type and therefore their dated is possible only on the base of artifacts. Initially complexes of the 3rd group were dated by site’s researchers is wide – from second part of I thousand BC till end of I thousand AD. After excavation the Pinchuga-6 burial site in the same region (researchers P.V. Mandryka and P.O. Senotrusova) opinion had been appeared about more short date for burials of 3rd group on the Ust'-Zelinda-2 site in the range of the second quarter the I thousand AD.

We propose the main part of artifacts from burials the 3rd group of Ust-Zelinda-2 is dated by Early Iron Age (V–III cent. BC) based on items analysis, primarily bronze items. In general, the 3rd group is close in time to the graves with remains of full human cremation into small pits at the same archaeological site (the 2nd groupe, published earlier). Analyzed graves are significant difference on accompanying items and correspondingly on their time existence from the complexes with remains of full human cremation on the ancient soil surface on Pinchuga-6 burial site.

Figured (“bird-headed”-shaped) harness-type belt plaques which were found near from the collection of cremated bones on the Ust'-Zelinda-2 site has been preliminary attributed to the Early Iron Age complexes of the 3rd burial group. The problem of cultural attribution of the 3rd group burials as well as the origin of tradition the full human cremation for Northern Angara area are still open.

Keywords: Northern Angara area, Early Iron Age, cremation, burials on the level ancient soil surface, figured harness-type belt plaques, plaques in the shape of “birds-headed”

Acknowledgements: The study was done under the project FWZG-2025-0001 “Siberia and adjacent areas: research and reconstructions of the historical and cultural past”. Anthropological determinations made by junior scientific research of IAET SB RAS E.A. Kerbs (Kazakova).

For citation: Shulga, P.I., Grishin, A.E., Marchenko, Z.V. & Garkusha Y.N. (2025) The Burials Complexes with Cremated Human Remains on the Level Ancient Soil Surface on the Ust'-Zelinda-2 Site's Materials (Northern Angara Area). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 157–183. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/47/8

Введение

Авторским коллективом с 2012 г. вводятся в научный оборот материалы погребений из различных культурно-хронологических групп могильника, располагавшегося на памятнике Усть-Зелинда-2 (далее – УЗ-2). Ожидается выход публикации комплексов раннего железного века с остатками полной кремации в небольших ямах, которых на памятнике было зафиксировано шесть (Шульга и др. 2025), а в рамках всего Северного Приангарья, по предварительным подсчетам П.В. Мандрыки, – 12 (2014: 208). По аналогии бронзовой поясной фурнитуры на более южных территориях без уточнения их культурной принадлежности нами было предложено соотнести подобные комплексы с периодом V–III вв. до н.э.

Еще меньше свидетельств о комплексах с останками полной кремации на древней поверхности, которые являются объектом данной статьи. По проведенным в свое время подсчетам П.В. Мандрыки, к такому типу погребений, отнесенных исследователем к эпохе раннего железа, могли быть отнесены семь погребений (2014: 208). В их числе и шесть комплексов из УЗ-2, объединенных в группу (гр.) 3 и предварительно отнесенных к широкому периоду эпохи железа (Марченко, Гаркуша, Гришин 2012: 455, 457). За прошедшее время число таких комплексов в Приангарье несколько увеличилось, но имевшаяся неопределённость в интерпретации культурно-хронологической позиции подобных погребений сохраняется. Так, исследователи могильника Пинчуга-6 на Нижней Ангаре датируют найденные там захоронения останков человека с кремацией на стороне второй четвертью I тыс. н.э. При этом авторы раскопок синхронизируют их с комплексами гр. 3 из УЗ-2 (Мандрыка, Сенотрусова, Дедик 2021: 121), хотя последние отличаются по погребальному обряду и инвентарю. Столь значительное расхождение в датировании погребений гр. 3 УЗ-2 в значительной степени обусловлено разнородностью наличного материала (Сенотрусова, Дедик, Мандрыка 2022: 304; Сенотрусова и др. 2024) и отсутствием достаточно надёжных хронологических реперов для инвентаря I тыс. до н.э. на Ангаре и в сопредельных регионах. Нельзя игнорировать и «открытый» тип «поверхностных» комплексов в гр. 3 на УЗ-2.

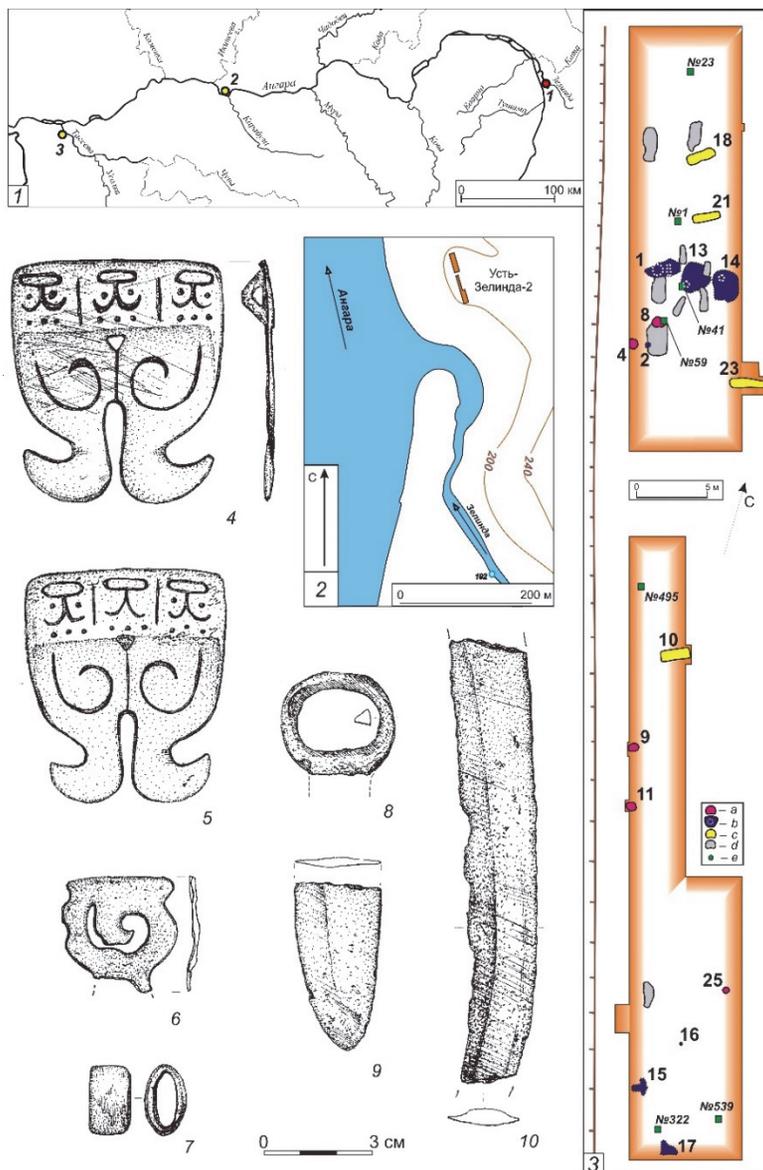
Из инвентаря особое внимание привлекли две фигурные бляхи с «птичьими головами», одна из которых, предположительно, может быть связана с погребением 1 из гр. 3 (Марченко и др. 2014). В указанной публикации были рассмотрены подобные изделия на территории Сибири, их морфология и назначение. Поскольку все ранее известные бляхи с «птичьими головами» обнаружены вне датированных комплексов, а хронология погребений гр. 3 нуждалась в уточнении, то время бытования блях определялось примерно в рамках второй половины I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Между тем привлечение не учтённых ранее материалов и новые находки вносят сейчас существенные коррективы в первоначальные представления о хронологии и культурной принадлежности блях с «птичьими головами». При этом происходит заметная поляризация взглядов. Авторы данного исследования склонны рассматривать их как бляхи сбруйного типа, использовавшиеся во второй половине I тыс. до н.э. населением сибирской тайги и прилегающей лесостепи как поясные накладки. По мнению Ю.В. Ширина, привлечшего серию «птицеголовых поясных накладок» от Предуралья до Подкаменной Тунгуски, эти изделия бытовали примерно в 1-й половине I тыс. н.э., а «их сходство с портупейными бляхами» скифского времени «если и не случайно, то сложно объяснить» (Ширин 2018: 260). Подтверждением этому, как будто, служит находка двух «фигурных птицеголовых накладок» на могильнике Пинчуга-6 (Нижняя Ангара), датированном примерно второй четвертью I тыс. н.э. (Мандрыка и др. 2021: 121).

Отметим, что образцов для проведения радиоуглеродного датирования, обладающих однозначным контекстом, при исследовании комплексов гр. 3 могильника УЗ-2 выявлено не было. Принадлежность органических обугленных остатков, сохранившихся на одной из фигурных блях сбруйного типа (№ 41), не является однозначной. Возможности стратиграфических наблюдений также были жестко ограничены следующими факторами: а) незначительной мощностью культурных слоев раннего железного века и средневековья на памятнике; б) выраженным склоном террасы на участке исследования; в) «открытым» характером погребений гр. 3. Следовательно, только анализ предметного комплекса может пока дать основу для датирования этих оригинальных погребений.

В целом, сохраняется актуальность культурно-хронологической диагностики подобных редких комплексов как в рамках древностей региона, так и в рамках отдельного памятника. В данной статье вводятся в научный оборот материалы этих своеобразных захоронений из УЗ-2 (гр. 3) и предлагается вариант их хронологической интерпретации.

Описание

Стоянка Усть-Зелинда-2 располагается в Усть-Илимском районе Иркутской области, в 6 км к северо-востоку от д. Кеуль, на правом берегу р. Ангара, в устье р. Зелинда (рис. 1, 1, 2).

Рис. 1. Местоположение могильника Усть-Зелинда-2 и памятников, упомянутых в тексте, погребений в раскопе и бронзовых предметов, обнаруженных вне погребений:

1 – карта Северного Приангарья с памятниками, упомянутыми в статье (1 – Усть-Зелинда-2; 2 – Пинчуга-6; 3 – Усть-Гасеевский комплекс); 2 – положение раскопа 2012 г. на памятнике УЗ-2 в устье р. Зелинда; 3 – положение погребений гр. 2 (а), гр. 3 (б), гр. 1 (с), остальных могил (д) и бронзовых предметов вне погребений в границах раскопа 2012 г. (е) (белая прерывистая линия – область наибольшей концентрации обожженных костей). 4–10 – бронзовые предметы вне комплексов: 4, 5 – фигурные бляхи сбруйного типа (№ 1, 41); 6 – фрагмент поясной бляхи (№ 23); 7 – обойма (№ 59); 8–10 – фрагменты ножей (№ 322, 495, 539)

Памятник был выявлен Е.О. Роговским в 2011 г. Разрушаемая часть памятника исследовалась в 2012 г. (Марченко и др., 2012). Было обнаружено 25 захоронений, отнесенных к неолиту–средневековью. Из них 12 – с кремацией на стороне. В том числе шесть устраивались в небольших ямках и отнесены к раннему железному веку (гр. 2 – погр. 4, 8, 9, 11, 16 и 25 (Шульга и др. 2025)), а шесть обнаружены на древней поверхности (гр. 3 – погр. 1, 2, 13, 14, 15 и 17) (Марченко и др. 2012: 454–457). Группа 3 была выделена весьма условно, поскольку наборы предметов из этих погребений выглядели разнородно и предварительно отнесены к эпохе железа.

Все погребения находились на краю террасы, на участке выраженного склона (перепад высот до 1,5 м на 8 м дистанции). Четыре погребения гр. 3 располагались в основном скоплении разновременных захоронений в северной части раскопа (см. рис. 1, 3). При этом комплексы 1, 13 и 14 устроены в один ряд по линии З–В и почти сливаются, как бы образуя одну площадку с примерными размерами 7 × 2 м. Погребение 2 обнаружено в 4 м к югу от этого «ряда». Ещё два погребения 15 и 17, располагались парой, в 3 м друг от друга в южной оконечности раскопа, на удалении в 50 м от остальных захоронений гр. 3. Отметим, что комплексы упомянутой гр. 2, отнесенной к раннему железу, расположены отчасти на тех же участках некрополя (рис. 1, 3).

Погребения гр. 3 фиксировались по рассеянным скоплениям фрагментов *кремированных человеческих останков на уровне древней поверхности и предметов (в том числе со следами огня)*. Глубина уровня находок от современной поверхности – 0,1–0,3 м. Следов стационарного горения на площади скоплений не зафиксировано. Такое расположение артефактов могло быть результатом разрушения захоронений на деревьях или в наземных конструкциях. Над площадками с артефактами отсутствовали перекрытия из камней или слои отличимого грунта, не зафиксировано и углублений для помещения останков. По этим причинам объекты воспринимались как «открытые комплексы, где сочетание артефактов внутри скоплений может быть случайным» (Марченко и др. 2012: 457). В рамках скоплений зафиксированы фрагментированные части керамических сосудов, предметы вооружения и поясной фурнитуры из бронзы, железа и кости. Многочисленны фрагменты обожженных костяных наконечников. Предположительно, с этими объектами можно связать две бронзовые бляхи сбруйного типа в виде «стилизированных изображений птиц, помещенных симметрично спиной друг к другу» (рис. 1, 4, 5; 5, 1). Приведем описание всех обнаруженных комплексов гр. 3, соблюдая их планиграфическую связь: сначала погребения 1, 13, 14, затем погребение 2 и пара погребений 15 и 17.

Погребение 1 – наиболее информативное в гр. 3, но и самое сложное в понимании его хронологической позиции. Оно располагалось ближе

По местоположению керамики объект можно разделить на две части – «восточную» (сосуд № 828 (см. рис. 2, 1, 2)) и «западную» (сосуд № 829 (рис. 2, 1, 3)). Скопления керамики залежали компактно, но отдельные её фрагменты находились на расстоянии 2–3 м севернее основной площади локализации погребения 1. Небольшие фрагменты сосуда № 828 были встречены в основном скоплении сосуда № 829 и наоборот. К скоплениям керамики были приурочены и кальцинированные кости. По заключению антрополога, все они могли принадлежать одному скелету взрослого человека (*Adultus-Maturus*).

Находки располагались среди кальцинированных костей. «Восточный» сосуд (№ 828) – закрытый баночный круглодонный сосуд со слегка отогнутым наружу краем венчика (рис. 2, 2). Диаметр по венчику – 31 см, высота – более 18 см. Орнаментирован горизонтальными плотными рядами «обмазочных» валиков, покрывающих верхние 2/3 сосуда. «Западный» сосуд (№ 829) – закрытый баночный сосуд, вероятнее всего, с круглым дном (рис. 2, 3). Диаметр по венчику – 25 см, высота – более 23 см. С внешней стороны края венчика подлеплялся нетолстый «валик-жгут», который проминался пальцевыми защипами. По краю венчика разрежено нанесены пары узких ямочных наколов. Ниже венчика 2/3 сосуда орнаментированы горизонтальными рядами тонких «обмазочных» валиков.

Кроме того, в «западной» части были обнаружены: три бронзовые полукруглые обоймы (две у развала сосуда, и одна в 40 см к СЗ от условной границы погребения) (рис. 2, 1, 20–22), фрагменты обожженных костяных наконечников стрел (рис. 2, 5–7), необожженный крупный наконечник длиной около 13 см (рис. 2, 1, 4), фрагмент каменного наконечника (рис. 2, 1, 12). В «восточной» части найдены: фрагмент обожженного до белого цвета рогового переходника для стрелы (рис. 2, 8), бронзовая пуговицевидная бляшка диаметром около 2 см с петлёй на обороте (рис. 2, 1, 18), железное трубчатое изделие длиной 6,8 см (рис. 2, 1, 16). К этому же комплексу условно отнесен вытянутый железный предмет с прямоугольным сечением и размерами 4,3 × 0,6 × 0,3 см (рис. 2, 1, 14). В «восточной» части среди кальцинированных костей найден круглый каменный предмет в виде гальки со следами забитости с одной стороны (регушёр) (рис. 2, 1, 17) и маленький фрагмент части каменного наконечника с острием (рис. 2, 1, 11). Между западным и восточным скоплениями у южной границы погребения находилось второе железное трубчатое изделие длиной 6,2 см (рис. 2, 1, 15), а в 25 см за пределами границы – бронзовая «гофрированная» пронизка-бусина длиной 2,3 см (рис. 2, 1, 19).

Погребение 13 располагалось в одном ряду и между однотипными погребениям 1 и 14 (рис. 1, 3). Представляло собой скопление кальцинированных костей человека и предметов на площади 1,8 × 1,6 м. Наиболее компактно кости располагались в восточной части ареала на площади 30 × 30 см. Определимые останки представлены фрагментами лобной кости черепа и длинными костями конечностей индивидуума (*Juvenis-Maturus*).

Находки. Среди кальцинированных костей человека выявлены кости рыб, кости мелкого животного, скопления мелкого гравия, а также небольшие фрагменты костяных обожженных наконечников стрел. Скопление предметов содержало крупный фрагмент стенки сосуда с «обмазочными» валиками, а также фрагменты от венчиков других пяти сосудов, украшенных аналогичным орнаментом (см. рис. 4, 1). Помимо этого найдены: каменный наконечник (см. рис. 3, 13), большое количество фрагментов примерно от 20 обожженных в разной степени костяных наконечников (рис. 3, 8–12, 14–17), фрагменты других, неопределимых костяных изделий, сильно обожженный деревянный неопределимый предмет, бронзовая бляха сбруйного типа (№ 41 (см. рис. 1, 5)) с остатками обожженной органики на оборотной стороне. Бляха находилась в 0,15 м от западной части скопления костей, в одном горизонте с находками погребения 13.

Погребение 14 почти примыкало с востока к периферии ареала распространения предметов погребения 13, замыкая ряд из погребений 1, 13 и 14 (рис. 1, 3; 3, 1). Первоначально объект выявлен по скоплению фрагментов обожженных костяных наконечников. Примерные размеры площадки с находками и рассеянными кальцинированными костями $2,2 \times 1,8$ м. При разборе культурного слоя обнаружена небольшая концентрация (20×20 см) мелких кальцинированных костей скелета одного человека (*Juvenis-Maturus*). Расстояние между этим скоплением костяных наконечников и прахом – около 25 см.

Находки. В непосредственной близости от скопления костей обнаружен фрагмент бронзового трехлопастного наконечника стрелы (рис. 3, 1, 4), трубчатое ушко от сосуда-дымокура с шестью отверстиями для подвешивания, орнаментированное с двух сторон небольшими налпными валиками с насечками (рис. 3, 1, 7). Над фрагментом дымокура располагалась тонкая бронзовая овальная в плане пластинка размерами $3,2 \times 1,1$ см (рис. 3, 1). Рассеянное скопление остальных находок содержало фрагментированные обожженные до белого цвета костяные наконечники (первоначальное количество изделий определить невозможно (рис. 3, 1–3)), фрагменты костяного изделия, а также фрагменты трёх каменных наконечников (рис. 3, 5). Костяные наконечники в сечении ромбические и треугольные. Среди наконечников зафиксированы фрагменты рыбьих костей и компактные скопления мелкого гравия. На северо-западной периферии площадки выявлена бронзовая колоколовидная подвеска длиной 4 см (рис. 3, 1, 6).

Погребение 2 обнаружено над неолитическим погребением (см. рис. 1, 3), в 4,2 м к югу от погребения 1. Представляло собой компактное скопление мелких кальцинированных костей взрослого человека (*Adultus-Senilis*) на площади $0,45 \times 0,37$ м. Углубление и артефакты, которые можно было бы отнести к этому скоплению костей, отсутствовали.

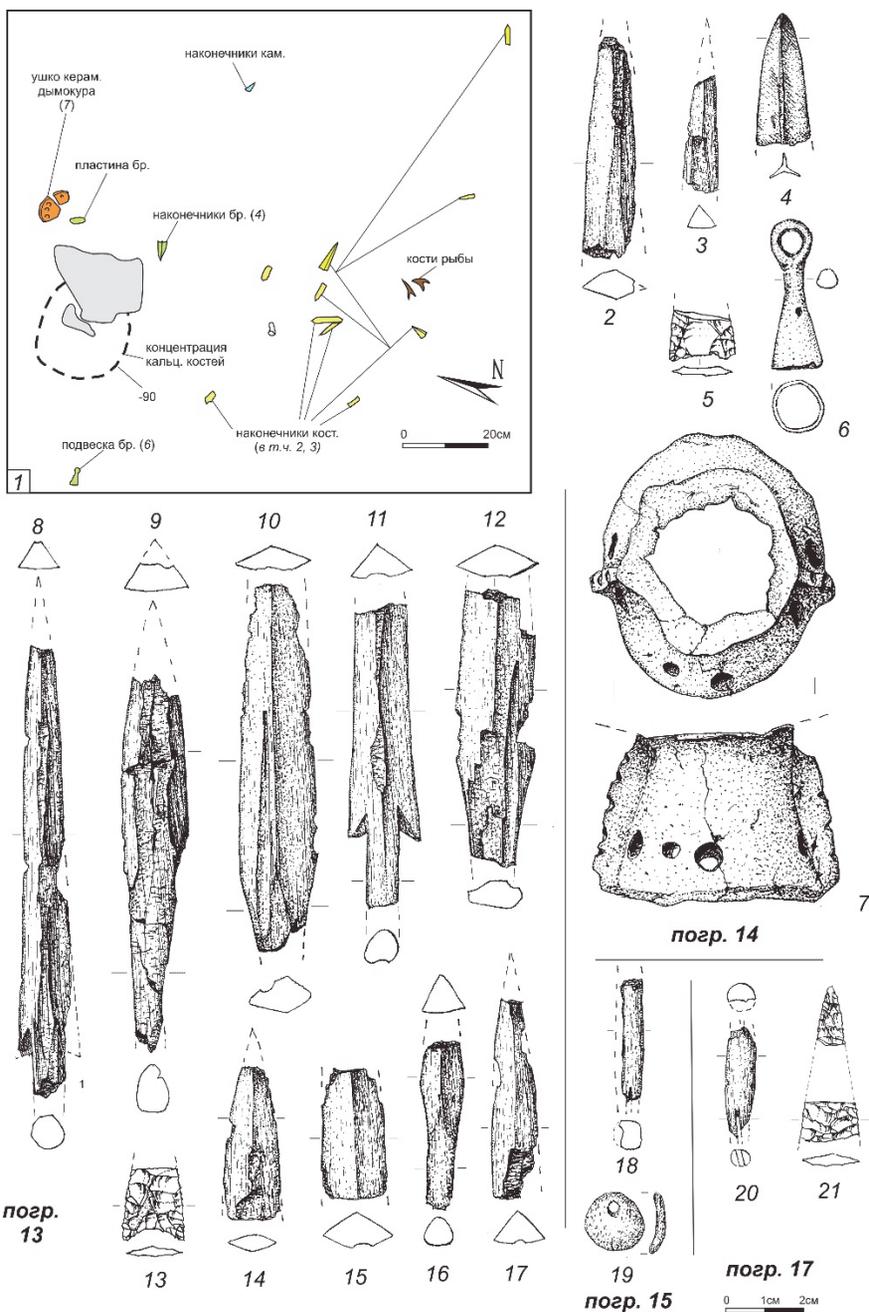
Погребение 15 располагалось в 3 м к СЗ от погребения 17 (см. рис. 1, 3). Представляло собой рассеянное скопление мелких кальцинированных костей человека на площади $1,2 \times 0,5$ м мощностью 6–8 см. Останки принадлежали взрослому человеку. Среди костей отмечены мелкие углистые включения. Возможно, к погребению относилась концентрация керамики цэпаньского облика (об. 44) размером около $1,1 \times 0,35-0,55$ м, частично совмещённая с областью распространения костей.

Находки. Непосредственно в границах скопления костей встречены каменные наконечники, круглая костяная подвеска диаметром 1,5 см с отверстием (рис. 3, 19), роговые переходники для наконечников стрел (рис. 3, 18), фрагменты костяных наконечников. Также выявлены мелкие фрагменты неопределимых пластинчатых костяных изделий. Возможно, это остатки костяных накладок на лук. Костяные и роговые предметы имеют следы термического воздействия.

В ходе раскопок было отмечено, что в некоторых случаях керамика объекта № 44 перекрывалась артефактами погребения 15. Между тем каменный наконечник стрелы и костяная подвеска из погребения находились на одном уровне с частью керамических фрагментов. Несколько бóльшая глубина залегания фрагментов керамики в южной части скопления об. 44 может объясняться значительным наклоном поверхности у края террасы. Фрагменты керамики из об. 44 принадлежали не менее чем к двум сосудам цэпаньского облика (см. рис. 4, 2). Там же найдены: каменное орудие, наконечники, дебитаж, кости животных. По всем этим данным представляется наиболее вероятным, что погребение 15 и об. 44 являются одним комплексом.

Погребение 17 располагалось в 3 м к ЮЮВ от погребения 15 и также на наклонной поверхности (с м. р и с. 1, 3). Представлено двумя рассеянными концентрациями кальцинированных костей взрослого человека (южным и северным) мощностью 5–12 см на общей площадке около $1,2 \times 1,1$ м.

Находки. Среди костей меньшего, северного скопления обнаружен каменный скребок. В южном найдены фрагменты каменных и костяных наконечников (рис. 3, 21), роговой переходник для наконечника (рис. 3, 20), мелкие фрагменты неопределимых пластинчатых костяных изделий, возможно, от накладок на лук. Обнаружено более 100 фрагментов большей частью мелких фрагментов керамики, располагавшихся в скоплениях костей, между ними и к северо-востоку от них. Преобладали фрагменты от одного сосуда цэпаньского облика.

Рис. 3. План погребения 14 (1) и находки из могил гр. 3: 13 (8–17); 14 (2–7); 15 (18, 19); и 17 (20, 21); 2, 3, 8–12, 14–17 – фрагменты наконечников (кость) (№ 363, 364, 423, 327, 356, 422, 341, 332, 342, 329, 503); 4–7 – наконечник (бронза) (№ 362); 5, 13, 21 – наконечники (камень) (№ 722, 326, 374, 375); 6 – подвеска (бронза) (№ 421); 18, 20 – переходники (рог) (№ 797, 734); 19 – подвеска (кость) (№ 333)

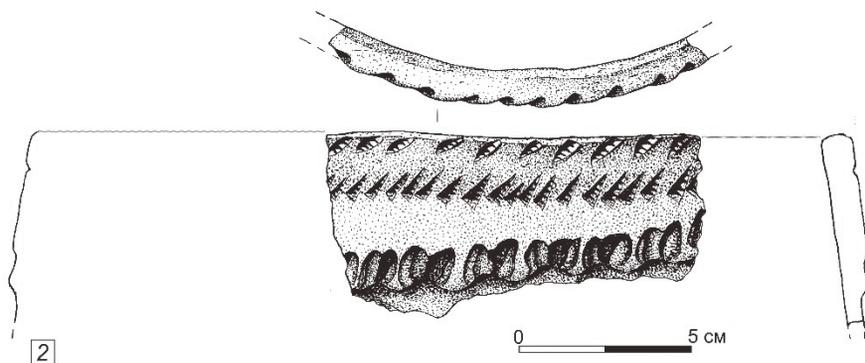

Рис. 4. Керамика из погребений 13 (1) и 15 (2)

Описание инвентаря

Инвентарь встречен во всех погребениях гр. 3, кроме погребения 2.

Бронзовые предметы обнаружены в трёх погребениях (1, 13 и 14): три полукруглых обоймы (пронизки), пуговицевидная бляшка и «гофрированная» пронизка в погребении 1, бляха сбруйного типа в погр. 13, а также трёхлопастной наконечник стрелы, колоколовидная подвеска и пластинка в погребении 14.

В погребении 1 найдено два железных трубчатых изделия, которые можно интерпретировать как вариант ложечковидных застёжек хуннского типа или как декоративные изделия, связанные с ритуальной атрибутикой (шумящие подвесы) (Марченко, Гаркуша, Гришин 2024: 183–186). Другим железным предметом в скоплении было остроугольное изделие типа шила (см. рис. 2, 14). Каменные и костяные наконечники стрел, а также роговые переходники для них обнаружены во всех погребениях, кроме безынвентарного погребения 2. Каменные наконечники представлены фрагментами бифасиальных, бесчерешковых, подтреугольных с вогнутым насадом экземпляров. Определимые фрагменты обожжённых костяных наконечников относятся к изделиям с пером листовидной или треугольной формы с ромбовидным или треугольным сечением, с выделенными шипами и черешком с круглым в основании сечением. Помимо этого в погребении 15 найдена костяная подвеска, а в погребениях 15 и 17 – предположительно, фрагменты костных накладок на лук.

Фрагменты керамики обнаружены во всех погребениях гр. 3, кроме безынвентарного погребения 2. Полные развалы сосудов отсутствовали, но скопления крупных фрагментов имелись почти во всех погребениях (1, 13, 15, 17), кроме погребения 14, где находились ушко и мелкие фрагменты дымокура. Как правило, в погребении находились фрагменты от одного-двух сосудов (погребения 1, 14, 15, 17). Однако в погребении 13 были части предположительно от пяти-шести сосудов. На площадке погребения 17 находилось более 100 (преимущественно мелких) фрагментов, в основном от одного сосуда. Фрагменты керамики принадлежат емкостям как цэпаньского облика (погребения 15, 17 (рис. 4, 2)), так и посуде, декорированной «обмазочными» валиками (погребения 1, 13 (рис. 2, 2, 3; 4, 1))

На раскопе за пределами погребений найдено ещё несколько значимых бронзовых изделий, достоверно не связанных с погребениями, но эпохально им близких: бронзовая фигурная бляха сбруйного типа № 1 к северу от погребения 1 и 13 (см. рис. 1, 4, 3), кольцевидное навершие от ножа (?) в центральной части раскопа (рис. 1, 3, 8), серповидный нож с утратами и часть от второго ножа в южной части раскопа (рис. 1, 3, 9, 10), овальная обойма (пронизка) в основном скоплении погребений (рис. 1, 3, 7), половинка бабочковидной бляшки в об. 3 на северной оконечности раскопа (рис. 1, 3, 6).

Датировка инвентаря и культурные особенности погребений

По причине сложности датирования открытых комплексов с небольшим количеством инвентаря погребения гр. 3 изначально рассматрива-

лись частью авторов как более поздние по отношению к гр. 2 и датировались широко, «в рамках второй половины I тыс. до н.э. – рубежа эр» (Марченко и др. 2014: 229), что не исключало принадлежности группы к скифскому времени (V–III вв. до н.э.). Впоследствии другими исследователями захоронения гр. 3 из УЗ-2 были синхронизированы с погребениями по обряду кремации на стороне из нижнеангарского могильника Пинчуга-6, где также были найдены две бронзовые «фигурные птицеголовые накладки». Одна из них обнаружена в погребении 12 в комплексе с «ажурной безъязычковой пряжкой» (Сенотрусова и др. 2024: 72, рис. 1, 4, 9). Помимо этого, керамический комплекс с «тонковаликовой» керамикой язаевского типа (Сенотрусова, Мандрыка, Бирюлева 2023) может быть сопоставлен с сосудами из погребения 1.

Погребения из Пинчуги-6 датированы «второй четвертью I тыс. н.э.» (Мандрыка и др. 2021: 122) или «первой половиной – серединой I тыс. н.э.» (Сенотрусова и др. 2022: 304). Происхождение безъязычковых пряжек авторы связывают «с кругом хуннских и постхуннских культур Южной Сибири» (Сенотрусова и др. 2024: 75). С накоплением материалов датировка могильника будет уточняться, но очевидно, что этот памятник сформировался значительно позже угасания скифской культуры. Из бронзового инвентаря аналогии в скифском времени имеют лишь пуговицевидные бляшки с перемычкой на обороте с широкими рамками бытования (Там же: рис. 2, 1, 2). Между тем значительная часть металлического инвентаря из погребений гр. 3 УЗ-2, как и гр. 2 (Шульга и др. 2025), по всем данным, относится к скифской эпохе. При ближайшем рассмотрении Пинчуга-6 и УЗ-2 различаются как по инвентарю, так и по погребальному обряду. Предположение о синхронности всех комплексов гр. 3 могильнику Пинчуга-6 (см.: Мандрыка и др. 2021: 121–122) не имеет под собой веских оснований, и обусловлено, прежде всего, недостатком опубликованной информации. Показательно, что, руководствуясь краткой публикацией (Марченко и др. 2012: 455, 457), на первом месте в перечне синхронных изделий авторы упоминают «железные наконечники стрел» (Мандрыка и др. 2021: 121). В то же время в погребениях гр. 3 в УЗ-2 нет железных наконечников, а найденные в раскопе плоские подтреугольные изделия без черешков (некоторые с округлыми отверстиями) не имеют ничего общего с разнообразными железными черешковыми трёхлопастными наконечниками стрел из Пинчуги-6 (Там же: рис. 2)¹.

Следует особо отметить, что почти все погребения с кремацией на стороне в Пинчуге-6 (13 из 16) производились в неглубоких ямках, подобно захоронениям гр. 2 из УЗ-2, относящихся к скифскому времени. Захоронения же на древней поверхности зафиксированы в Пинчуге-6 только в трёх случаях и только в комплексе с находящимися под ними погребениями в ямках (Сенотрусова и др. 2022: 299, 301, 304; Сенотрусова и др. 2023: 130)².

Рассмотрим хронологическую позицию погребений гр. 3 из УЗ-2 по инвентарю, обнаруженному на этом памятнике. Найденные в слое на раскопе двулезвийные изогнутые бронзовые ножи («серповидные кинжалы» или «кинжалы-бебуты») датируются в Приангарье в очень широких рамках – VII–II вв. до н.э. (Привалихин, Дроздов, Макулов 2015: 142). Узко не определено и время бытования бронзовых черешковых и «бесчерешковых» трёхлопастных наконечников (142). В.И. Привалихин полагал их использование на Ангаре примерно в рамках IV–II вв. до н.э. (2013: 88). Ещё шире хронологические рамки для керамических сосудов. Так, керамика цэпаньского облика из погребений гр. 2 (погр. 4, 9) и гр. 3 (погр. 15, 17), по В.И. Привалихину, могла производиться почти до конца I тыс. до н.э. начиная с VIII–VII вв. до н.э. (2011). Соответственно, керамические сосуды цэпаньского облика и бесчерешковые наконечники стрел пока не позволяют уточнить датировку захоронений. Каменные и костяные наконечники стрел также совместно использовались длительное время.

Отметим, что с раннего железного века в таежных районах Сибири получили распространение и продолжали бытовать в эпоху средневековья сосуды-дымокуры, к которым может быть отнесено ушко сосуда из погр. 14 (Леонтьев, Герман 2015: 94). В частности, на стоянке Взвоз, пункт 2, фрагменты дымокуров со схожими ушками, декорированными наклепными валиками с насечками, составляют единый комплекс с керамикой цэпаньского облика, который авторы публикации соотносят с завершающим этапом цэпаньской культуры (102).

Керамика же с «обмазочными» тонкими валиками, по первоначальному представлению П.В. Мандрыки, использовалась на Ангаре предположительно с середины I тыс. до н.э. до начала II тыс. н.э. (2008: 74), но в недавних публикациях исследователя с коллегами предложены более узкий период и верхняя граница бытования подобной посуды – 2-я четверть I тыс. н.э. (Сенотрсова и др. 2023: 132). Данная точка зрения заставляет нас оставить открытым вопрос о синхронности керамики из погребений 1, 13 и остального предметного комплекса, зафиксированного нами в рамках погребения 1. Возможно, со временем новые данные позволят скорректировать представления о типологии и хронологии «тонковаликовой» керамики и дифференцировать более поздние предметы в этом комплексе УЗ-2, а возможно, и в других объектах памятника.

Между тем, в погребениях с кремацией на стороне (гр. 2 и 3) в УЗ-2 имеются бронзовые изделия с устоявшимися датировками (Шульга и др. 2025). К ним относится большинство таких предметов: поясные бабочковидные накладные бляшки разных видов, крупные полукруглые пронизки (обоймы), пуговицевидная бляшка с петелькой на обороте, колоколовидная подвеска и двукольчатые блоки. Все они встречаются в поясных наборах в скифоидных культурах Южной Сибири в памятниках

второй половины VI–IV вв. до н.э. Наиболее узкую дату из указанных изделий имеют бабочковидные бляшки типа найденных в погребениях гр. 2 из УЗ-2 (см. рис. 1, 6, 5, 2, 3), обычно встречающиеся в захоронениях V–IV вв. до н.э. (Семёнов 1997: 19; Шульга 2015: рис. 77; Килуновская, Фролов 2020; Шульга 2023). Важно отметить специфическую «горшковидную» форму лопастей бабочковидных бляшек из УЗ-2, характеризующую местный ангарский тип, редко встречающийся на соседних территориях. Как бы мы не относились к хронологии своеобразных захоронений с кремацией на Ангаре, но погребения гр. 2 из УЗ-2, нет оснований датировать по инвентарю позже IV–III вв. до н.э. (Шульга и др. 2025).

Для понимания хронологической и культурной позиции погребений гр. 3 оправданно сравнить их с гр. 2, имеющей как отличительные, так и сходные черты.

Различия. В гр. 2 прах и инвентарь располагались в небольших (диаметр 30–60 см), мелких ямках глубиной 10–20 см от уровня фиксации, а в гр. 3 – на обширной площадке размерами до 2,2 × 1,8 м на уровне древней поверхности. Различие неполное, так как в части комплексов гр. 3 есть небольшие участки с повышенной концентрацией костей (погр. 2, 13 и 14). В гр. 2 встречено значительное количество поясных бабочковидных бляшек трёх типов, а в гр. 3 они отсутствуют. Впрочем, пока таких захоронений известно немного, выборка незначительная, и при увеличении их числа состав инвентаря и его соотношение могут существенно измениться.

Сходство. Значительно больше общих черт. Погребения характеризуются редким для Сибири второй половины I тыс. до н.э. обрядом – полным сожжением тела человека вместе с инвентарем вне погребального комплекса. Практически во всех погребениях обеих групп присутствуют одинаковые категории инвентаря: бронзовые детали поясной фурнитуры; фрагменты керамики; однотипные бронзовые «бесчерешковые», костяные и каменные наконечники стрел; костяные переходники для стрел; в небольшом количестве встречаются изделия из железа. Сходство имеется и в орнаментации керамики. Так, в гр. 2 в трёх погребениях (4, 9 и 25) найдены немногочисленные фрагменты керамики цэпаньского облика, и в одном из них (погребение 25) был фрагмент с «обмазочным» валиком. В гр. 3 керамика цэпаньского облика присутствовала в двух погребениях (15, 17), и в двух (1, 13) найдена керамика с «обмазочными» валиками.

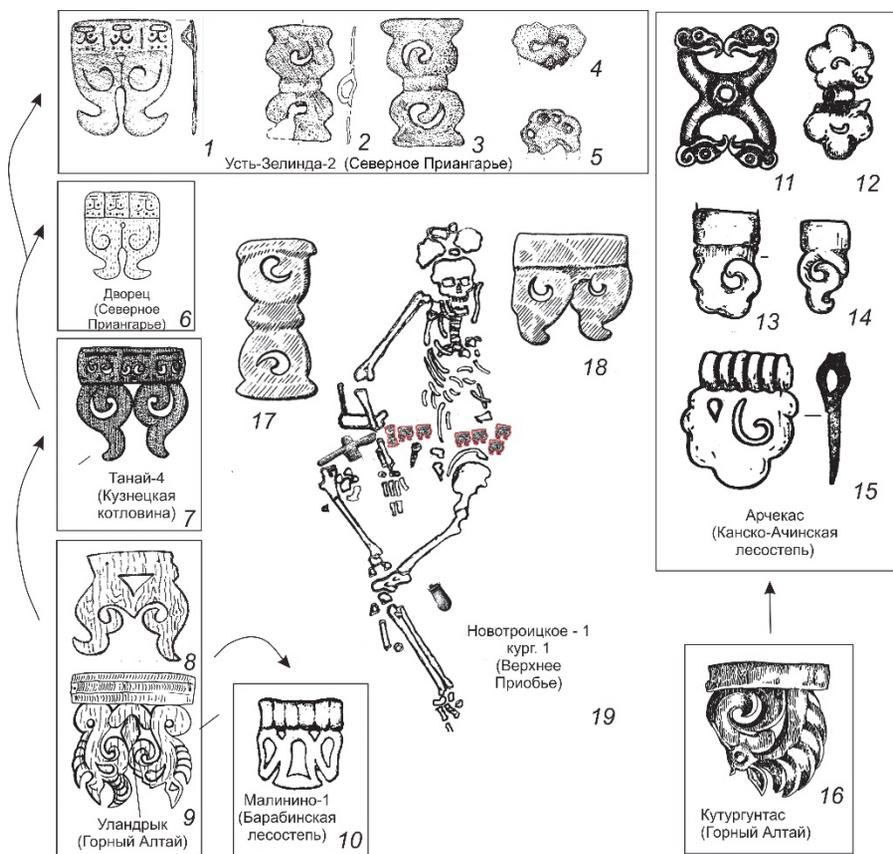
Среди находок в гр. 3 относительно поздние аналогии имеют только два железных изделия в виде конических трубочек с кососрезанной расширенной частью из погребения 1 (см. рис. 2, 15, 16). Вероятно, такие предметы в североангарских погребальных комплексах в целом были представлены чрезвычайно редко. Нам известно одно упоминание о «полых конусообразных стержнях», обнаруженных на площади поселения

Чадобец. Видимо, речь может идти о предметах, аналогичных «зелендинским». Привлекает внимание, что предметы находились в скоплении обожженных костей, размещенных в яме с нечеткими границами без каменной кладки (Дроздов и др. 1978)³.

Как было отмечено выше, это может быть вариантом изделий типа широко известных ложечковидных застёжек, характерных для культуры хунну. Их изготавливали со II в. до н.э. из бронзы с двумя перемычками на оборотной стороне (см. обзор: Кунгурова, Оборин 2013: 131–132). В поясной фурнитуре роговые застёжки (подвески) такого типа зафиксированы вместе с ремешками в Туве на могильнике Хайыракан в кург. 5, датируемом Вл.А. Семёновым II в. до н.э. (2003: 76–77, табл. 92, 1–4). Несомненно, во II–I вв. до н.э. многие подобные изделия из кости (рога) копировали хуннские образцы (табл. 109, 4). Между тем эта конструкция в виде конической трубочки с косо срезанным расширенным концом широко использовалась на Саяно-Алтае значительно раньше – в скифское время в уздечках и на поясах в качестве застёжки (подвески). Эти изделия происходят от роговых копытовидных застёжек VI в. до н.э. (Шульга 2003: 81, 110; Шульга 2015: 111). Важно отметить, что в предгорьях Алтая на могильнике каменной культуры Локоть-4а, датируемом не позже IV в. до н.э., найдено две разновидности поясных ложечковидных застёжек из железа и серебра (Шульга 2003: рис. 6, 31, 4). С другой стороны, рассматривая эти изделия как вариант трансформации ритуальной атрибутики (Марченко и др. 2024), вполне возможно допустить их местное, независимое от скифских изделий происхождение.

Несомненный интерес представляют две крупные бронзовые фигурные бляхи сбруйного типа. Одна из них (№ 41) находилась в узком промежутке между условными границами погр. 1 и 13 (в 12 см от границы погр. 13) в том же слое. Вторая бляха (№ 1) обнаружена в 2,5–3 м севернее указанных погребений (рис. 1, 3–5). В отдельной статье с подробным описанием этих и других аналогичных блях показано, что они характерны для культур лесной зоны, а прототипом им послужили сбруйные бляхи скифского времени, в наибольшем количестве представленные в пазырыкской культуре (Марченко и др. 2014). На основании анализа конструкции блях и следов сработанности сделано заключение о расположении их «планкой» вверх, как и у сбруйных блях. Вопрос о конкретных способах использования остаётся открытым (234). Согласно приведённому перечню находок, из 12 учтённых блях сбруйного типа шесть происходят с Ангары, две найдены на Енисее, четыре – на левобережье Енисея и в Айдашинской пещере (верховья р. Чулым в Красноярском крае), и по одной – на Средней Оби и Каме (229–230). Авторы принимали в расчёт отсутствие надежного археологического контекста, датирующего бляхи, а потому предварительно определяли период существования этих изделий «в рамках второй половины I тыс. до н.э. – конца

I тыс. н.э.». Происхождение их связывалось с культурами степной полосы Сибири (228), т.е. допускалось бытование блях сбруйного типа в интервале от скифского времени до раннего средневековья. Данная тема получила развитие в краткой публикации Ю.В. Ширина, указавшего на значительное количество подобных «птицеголовых» блях в составе случайных находок в западном ареале их распространения от Перми до Нижнего Приобья (2018: рис. 1, 1–7). По мнению автора, бляхи этого типа «вряд ли изготавливались позднее середины I тыс. н.э.». Наличие в комплексах скифского времени Южной Сибири конструктивно аналогичных «портупейных блях» (рис. 5, 18) исследователь посчитал явлением если не случайным, то сложнообъяснимым (260). Каких-либо обоснований этой точки зрения не приводилось.

Рис. 5. Поясные бляхи сбруйного типа (1–17) и погребение из кургана 1 мог. Новотроицкое–1 (19) (сост по: (Кулемзин 1979; Кубарев 1987; Полосьмак 1994; Леонтьев, Дроздов 1996; Бобров, Жаронкин 1998; Молодин и др. 1999; Шульга и др. 2009; Шульга 2023) (1–7, 10–15, 17, 18 – бронза; 8, 9, 16 – дерево)

В ходе дополнительного изучения вопроса о датировке «птицеголовых» блях с привлечением материалов из лесостепной зоны и могильника Пинчуга-6 мы пришли почти к тому же первоначальному мнению – «таёжные» фигурные бляхи сбруйного типа могли использоваться в Сибири в скифское время и в раннем средневековье.

Наиболее представительным памятником, демонстрирующим самый ранний (и пока единственный) случай использования блях сбруйного типа в качестве поясных накладок, является непо потревоженное захоронение в кургане 15 на могильнике Новотроицкое-1 (Верхнее Приобье), датируемое V–IV вв. до н.э. На поясе воина, вооружённого чеканом и кинжалом, находилось шесть сбруйных бляшек с двумя скобками (петлями) на обороте и бабочковидная бляшка ангарского типа (рис. 5, 17–19) (Шульга, Уманский, Могильников 2009: рис. 20, 21, 2, 3), т.е. на одном поясе обнаружены вместе бляшки двух типов, которые представлены и в УЗ-2, но в разных типах погребений (см. рис. 5, 1–3). Аналогичная по устройству бляшка, но со «стилизированным изображением хищной птицы», найдена в кургане 1 могильника Малинино-1 в Барабинской лесостепи (рис. 5, 10) (Молодин и др. 1999: 441, рис. 1, 4), предметный комплекс из которого имеет аналогии в материалах саргатской и новочекинской культур⁴. Как видим, указанные сбруйные бляхи близкого дизайна в двух комплексах (Новотроицкое-1, Малинино-1) датируются в рамках V–III вв. до н.э., а в одном из них они оказались вместе с бабочковидными бляшками ангарского типа (Новотроицкое-1).

Особое место для хронологической атрибуции материалов погребений гр. 2 и 3 занимают погребальные комплексы с остатками кремаций из двух курганов могильника на горе Арчекас, исследованных в 1971 г. А.М. Кулемзиным под г. Мариинском (Кулемзин 1979). В расположенных в 20 м друг от друга курганах под земляной насыпью высотой около 0,5 м на уровне древней поверхности обнаружены обгоревшие брёвна обширных срубов, изначально имевших невысокие стенки, пол и потолок. В каждом срубе находились останки сожженных в срубе людей: пять в кургане 1 и девять в кургане 2. Умершие укладывались в ряд головами на восток и запад (курган 1) и юг (курган 2). В кургане 2 за пределами сруба в мелкой могиле находилось захоронение взрослого человека без следов кремации вытянуто, ничком головой на юг (89).

Предполагается, что сруб в кургане 1 во время сожжения стоял на земле⁵, но о наличии или отсутствии прокала земли под срубом в тексте нет информации. Остатки столбов зафиксированы под углами сруба в кург. 2. Прокал под срубом отсутствовал, из чего сделано заключение, что сожжение сруба происходило, когда он стоял не на земле, а на столбах (Кулемзин 1979: 89, рис. 47). В этом случае, как и в кургане 2, мощное кострище находилось в срубе, по его центру. В обоих курганах обнаружено 60 изделий из металла, кости и камня, а также 20 керамических

сосудов. Основная часть материала опубликована. Большинство бронзовых изделий датируются VI–IV вв. до н.э. Однако часть сосудов, по мнению А.М. Кулемзина, имеет позднетагарские и даже раннетагтыкские аналогии (94). Железные изделия представлены тремя ножами в срубке кургана 2 и фрагментом стрелы в погребении по обряду ингумации. На тот момент исследователь не нашёл в Сибири аналогий арчекасским курганам, но предполагал, что подобными объектами могли быть недокументированные Степановский клад (Притомье) и курганы на Лысой Горе (юг Среднего Приобья) (98). Не останавливаясь на вопросах датирования курганов из Арчекаса, отметим большое количество там ранних бронзовых изделий, среди которых присутствуют поясные бляшки пяти типов: бляшка с двумя парами головок грифонов в кургане 1 (см. рис. 5, 11), найденные в кургане 2 шестисекционная и бабочковидная бляшки рис. 5, 12) и бляшки сбруйного типа с «шарнирными петлями» на обороте (рис. 5, 13–15). В этом кургане мы находим сходство как с погребением в кургане 15 могильника Новтроицкое-1 (коллективное погребение уложенных в ряд на спине умерших и сочетание бабочковидной бляшки с бляшками сбруйного типа), так и с погребениями в УЗ-2 (предполагаемое воздушное захоронение остатков кремации, сравнительно ранние бронзовые изделия, включающие бабочковидные бляшки и бляхи сбруйного типа).

Выводы

1. Комплексы с остатками полной кремации тела на древней поверхности по обряду сожжения на стороне (гр. 3) из могильника УЗ-2 по следам ритуальной практики и инвентарю близки к погребениям гр. 2, датируемым в рамках V–III вв. до н.э. Поскольку погребения гр. 3 представляют собой открытые комплексы с «условным» составом погребального инвентаря, не исключена вероятность, что в них могли попадать предметы из более поздних погребений и/или культурных слоёв. В связи с этим, до получения дополнительных материалов, погребения гр. 3 из УЗ-2 не следует полагать эталоном нового типа памятников с надёжно определённой хронологической позицией.

Вместе с тем нет оснований синхронизировать гр. 3 в полном составе с могильником Пинчуга-6, отличным как по погребальному обряду, так и по инвентарю. За исключением двух «птицеголовых» блях, в раскопе УЗ-2 отсутствовали изделия, подобные найденным в Пинчуге-6⁶.

2. Фигурная бляха сбруйного типа № 41 из УЗ-2, по всей видимости, относится к погребению 13, и, вместе со вторым аналогичным изделием № 1, может предварительно относиться к скифскому времени (V–III вв. до н.э.). В целом, они входят в группу различающихся по дизайну блях сбруйного облика, производных от собственно сбруйных блях. Бляхи

сбруйного типа производились в таёжной зоне до середины I тыс. н.э., и, по-видимому, использовались как накладные бляхи на поясах.

3. Зафиксированные на Ангаре варианты обрядов кремации на стороне вместе с инвентарём и жертвенники с побывавшим в огне инвентарём, включающим значительное количество поясной фурнитуры (Усть-Тасеевский комплекс), по-видимому, не были локальным явлением. На это указывают курганы из Арчекаса, содержавшие сожжённые срубы с останками людей, и богатый материал, включавший поясную фурнитуру с редким сочетанием блях сбруйного типа и бабочковидных бляшек. Между данными памятниками расстояние по прямой от 400 км (Арчекас – Усть-Тасеево) до 900 км (Арчекас – УЗ-2). На этом пространстве в Ачинско-Мариинской лесостепи протяжённостью примерно 300 км выделяется ареал лесостепной тагарской культуры (Мартынов 1979: рис. 2)⁷, носители которой с III в. до н.э. продвинулись до района г. Томска. В III в. до н.э. у тагарцев на указанной территории «появляется обряд сожжения погребальной камеры, а со II в. до н.э. полное сожжение погребальной камеры становится обязательным условием... в южносибирской степи» (138). При этом на позднем этапе у них существовал и обряд «сожжения трупов на стороне и погребение остатков в виде кучки мелких обломков обуглившихся костей» (132). Однако у лесостепных тагарцев в погребениях и на поселениях в междуречье Кии и Чулыма отсутствуют поясные бляшки и другая поясная фурнитура из бронзы, за исключением немногочисленных пряжек на позднем этапе. Возникают сомнения, что носители лесостепной тагарской культуры стали инициаторами появления захоронений с сожжением в лесостепной и таёжной зонах Сибири и образования памятников типа Арчекас, Степановский клад и шеломокской культуры Томского Приобья.

Примечания

¹ Мы намеренно опустили в статье информацию о плоских треугольных железных предметах («наконечниках»). Дело в том, что данный тип изделий уже рассматривался в контексте их принадлежности к средневековым комплексам УЗ-2 (Гришин, Марченко, Гаркуша 2013). Прямых аналогий таким предметам обнаружено не было, но можно отметить их сходство с предметами (без отверстий), обнаруженными при исследовании слоев поселения Берямба и названными без анализа их морфологии и контекста «наконечники стрел» (Гревцов, Лысенко 2013: 189, рис. 4; 5). Сходные по конфигурации и параметрам предметы, обнаруженные в культурном слое I памятника Скородумный Бык, также именованы наконечниками. Однако время их бытования оценивается весьма широко – от начала нашей эры до начала XX в. (Фокин 2015: 105–106, рис. 1, 13–20). Функционал «зелендинских» изделий мог различаться в зависимости от пропорций и наличия серии отверстий. Часть предметов была связана с погребальными комплексами, отнесение которых к раннему средневековью подтверждается радиоуглеродными датами (не ранее VI в. н.э.) (Гришин и др. 2013: 89). Данные изделия на УЗ-2 и других памятниках требуют дополнительного осмысления.

² Погребения с «двумя уровнями залегания материалов» (в яме и на поверхности) – 1, 8 и 16. Они обладают наибольшим разнообразием категорий и количеством инвентаря.

Только в них присутствуют скопления фрагментов керамических сосудов с «гонковаликовым декором». В последующей публикации указано 18 исследованных погребений в Пинчуге-6. Погребальный обряд этих двух захоронений не описан (Сенотрсова и др. 2024: 70).

³ По этому объекту имеется лишь краткая информация. Сообщается, что среди костей также находились бронзовые бляхи, пряжки, пуговицы, треугольные бляшки, железный однолезвийный нож. Инвентарь авторами сообщения не рассмотрен, культурно-хронологическая атрибуция объекта не предложена.

⁴ Сбруйная бляшка с таким же дизайном недавно обнаружена в «кладе» на Ангаре в составе однородного комплекса бронзовых изделий V–IV вв. до н.э., включавшего и бляшки ангарского типа. Авторы выражают признательность П.В. Мандрыке, любезно ознакомившего П.И. Шульгу с этой замечательной находкой.

⁵ В условных обозначениях к плану и разрезу кург. 1 указаны «следы от столбов» (Кулемзин 1979: рис. 42). Однако, в тексте и на плане такой информации нет. По всей видимости, эта ошибка произошла при перенесении условных обозначений из рисунка кург. 2, где столбы имелись (рис. 44).

⁶ Опубликованная «птицеголовая» бляха из Пинчуги-6 выглядит как сильно изношенная копия плохого качества, что может трактоваться как следствие угасания традиции и длительности использования самого предмета. Вопрос о сходстве найденной в погребении 1 керамики и сосудов из Пинчуги-6 требует отдельного рассмотрения. Судя по разнообразию керамики на Ангаре, многочисленным фактам длительного сохранения гончарных традиций, однородности памятников и сложности их датирования, определение существования того или иного типа керамики (в том числе с «обмазочными» валиками) в рамках нескольких веков не может считаться корректным.

⁷ Наиболее высокая концентрация «классических» хорошо изученных курганов этой культуры отмечается в междуречье Кии и Чульма протяжённостью около 100 км в широтном направлении (Мартынов 1979: рис. 39).

Список источников

- Бобров В.В., Жаронкин В.Н. Новые материалы из раскопок поселения Танай-4А // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. Т. IV. 1998. С. 187–190.
- Грецов Ю.А., Лысенко Д.Н. Новые материалы о древнем металлургическом производстве в Северном Приангарье // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий: сб. ст. / отв. ред. Л.Л. Карнаухова. Красноярск: КККМ, 2013. С. 187–196.
- Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н. Средневековые погребения могильника Усть-Зелинда 2 (Северное Приангарье): к проблеме культурной дифференциации и хронологии // Евразия в кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 2. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2013. С. 84–91.
- Дроздов Н.И., Королёва В.Н., Пашинов А.М., Привалихин В.И. Исследования в Северном Приангарье // Археологические открытия 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 226–227.
- Килуновская М.Е., Фролов Я.В. Сравнительный анализ поясных украшений скифского времени Барнаульского Приобья и Тувы // Вещь в контексте погребального обряда: сб. тр. конф. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2020. С. 126–138.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987.
- Кулемзин А.М. Арчекассские курганы // Археология Южной Сибири / отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1979. Вып. 10. С. 87–99.
- Кунгурова Н.Ю., Оборин Ю.В. Клад, обнаруженный на р. Уйбат (Минусинская котловина) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2. С. 126–136.
- Леонтьев С.В., Герман П.В. Керамический комплекс первого культурного горизонта стоянки Взвоз, пункт 2 (Северное Приангарье) // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск: Сиб. федерал. ун-т, 2015. Вып. VII. С. 85–106.

- Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. Неизвестные находки бронзовых изделий кулайского облика в таёжной зоне Средней Сибири // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996. С. 157–160.
- Мандрыка П.В. Новая археологическая культура раннего железного века в южно-таежной зоне Средней Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3. С. 68–76.
- Мандрыка П.В. Проблемы раннего железного века Северного Приангарья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 2. Казань: Отечество, 2014. С. 207–210.
- Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О., Дедик А.В. Могильник Пинчуга-6 – новый памятник финала эпохи железа в Нижнем Приангарье // Теория и практика археологических исследований. 2021. № 3. С. 116–124. doi: 10.14258/tpai(2021)33(3).-07
- Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е. Исследования на могильнике Усть-Зелюнда 2 в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 455–460.
- Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н. Древнейшие шаманские атрибуты с Ангары // Stratum Plus. 2024. № 2. С. 175–191. doi: 10.55086/sp242175191
- Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Дудко А.А., Гаркуша Ю.Н. Редкий вид бронзовых фигурных блях эпохи железа Восточной и Западной Сибири: к проблеме трактовки орнамента, использования и датировки предметов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Истрия, филология. 2014. Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. С. 228–239.
- Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979.
- Молодин В.И., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Жемерикин Р.В., Марченко Ж.В. К археологической карте Западной Барабы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. Т. V. С. 439–445.
- Полосьяк Н.В. «Стерегищие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994.
- Привалихин В.И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследований // Второй век подвижничества: сб. ст. / отв. сост. В. Ярошевская. Красноярск: КККМ, 2011. С. 161–183.
- Привалихин В.И. Исследование погребений стоянки и могильника Сергушкин-1, пункта «А» в Северном Приангарье // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий / отв. ред. Л.Л. Карнаухова. Красноярск: КККМ, 2013. С. 73–91.
- Привалихин В.И., Дроздов Н.И., Макулов В.И. Бронзовые серповидные кинжалы-бебуты цэпаньской культуры раннего железного века Северного Приангарья // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 6 № 2. С. 139–144.
- Сенотрусова П.О., Дедик А.В., Мандрыка П.В. Погребальный обряд населения Нижнего течения Ангары в финале эпохи железа (по материалам могильника Пинчуга-6) // КСИА. 2022. Вып. 266. С. 297–307. doi: 10.25681/IARAS.0130-2620.266.297-307.
- Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В., Бирюлева К.В. Тонковаликовая керамика финала раннего железного века из могильника Пинчуга-6 (Нижнее Приангарье) // Нижне-волжский археологический вестник. 2023. Т. 22, № 1. С. 128–138. doi: 10.15688/nav.jvolsu.2023.1.9
- Сенотрусова П.О., Хаврин С.В., Эккердт А.А., Мандрыка П.В. Бронзовые предметы из могильника Пинчуга-6 в Нижнем Приангарье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 1 (64). С. 70–82. doi: 10.20874/2071-0437-2024-64-1-6.
- Семёнов Вл.А. Монгун-Тайга (археологические исследования в Туве 1994–1995 гг.). СПб.: б. и., 1997.
- Семёнов Вл.А. Суглук-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003.

- Фокин С.М. Новый голоценовый памятник Нижнего Приангарья – поселение-могильник Skorodumnyi Byk // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии / отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Иркутск: Оттиск, 2015. С. 102–109.
- Ширин Ю.В. Птицеголовые поясные накладки начала I тыс. в культурном пространстве от Урала до Ангары // XXI Уральское археологическое совещание: материалы тр. конф. / отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Самар. гос. социал.-пед. ун-т, 2018. С. 258–260.
- Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003.
- Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. Ч. II (среднескифское время). Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2015.
- Шульга П.И. Поясные бляшки староалейской культуры: происхождение и использование // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 3. С. 99–119. doi: 10.14258/nreur(2023)3-05
- Шульга П.И., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Марченко Ж.В. Погребения с ингумацией кремнированных останков на могильнике Усть-Зелинда-2 в Северном Приангарье: к проблеме типологии и хронологии инвентаря // Археология, этнография и антропология Евразии, 2025 (в печати).
- Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2009.

References

- Bobrov V.V., Zharonkin V.N. (1998) Novye materialy iz raskopok poseleniya Tanai-4A [New materials from the excavations of the settlement Tanai-4A]. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., Vol. 23, pp. 187–190.
- Grevtsov Yu.A., Lysenko D.N. (2013) Novye materialy o drevnem metallurgicheskom proizvodstve v Severnom Priangar'e [New materials on ancient metallurgical production in the Northern Angara region]. In *Arkheologicheskie issledovaniya drevnostei Nizhnei Angary i sopredel'nykh territorii* [Archaeological studies of the antiquities of the Lower Angara and adjacent territories] / Ed. by L.L. Karnaukhova. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii kraevoi kraevedcheskii muzei, pp. 187–196.
- Grishin A.E., Marchenko Zh.V., Garkusha Yu.N. (2013) Srednevekovye pogrebeniya mogil'nika Ust'-Zelinda 2 (Severnoe Priangar'e): k probleme kul'turnoi differentsiatsii i khronologii [Medieval burials of the Ust'-Zelinda 2 burial ground (Northern Angara region): on the problem of cultural differentiation and chronology]. In: *Evraziya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury* [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, paleoecology, cultures]. Irkutsk: Irkutsk State Univ. Press, Is. 2, pp. 84–91.
- Drozdov N.I., Koroleva V.N., Pashinov A.M., Privalikhin V.I. (1978) Issledovaniya v Severnom Priangar'e [Research in the Northern Angara region]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya 1977 goda* [Archaeological discoveries of 1977]. Moscow: Nauka, pp. 226–227.
- Fokin S.M. (2015) Novyi golotsenovyi pamyatnik Nizhnego Priangar'ya – poselenie-mogil'nik Skorodumnyi Byk [The new Holocene monument of the Lower Angara region – the settlement-burial ground Skorodumnyi Byk]. In *Aktual'nye voprosy arkheologii i etnologii Tsentral'noi Azii* [Topical issues of archeology and ethnology of Central Asia] / Ed. by B.V. Bazarov, N.N. Kraдин. Irkutsk: Ottisk, 2015. pp. 102–109.
- Kilunovskaya M.E. Frolov Ya.V. (2020) Sravnitel'nyi analiz poiyasnykh ukrashenii skifskogo vremeni Barnaul'skogo Priob'ya i Tuva [Comparative analysis of belt jewelry of the Scythian period of the Barnaul Ob region and Tuva]. In: *Veshch' v kontekste pogrebal'nogo obryada* [A thing in the context of a funeral rite]. Moscow: Rossiiskii gumanitarnyi gosudarstvennyi universitet, pp. 126–138.
- Kubarev V.D. (1987) *Kurgany Ulandryka* [The mounds of Ulandryk]. Novosibirsk: Nauka.

- Kulemzin A.M. (1979) Arheokasskie kurgany [Archeokassky mounds]. In: *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri* [Archeology of Southern Siberia]. Ed. by A.I. Martynov. Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet, Is. 10, pp 87–99.
- Kungurova N.Yu., Oborin Yu.V. (2013) Klad, obnaruзhennyi na r. Uibat (Minusinskaya kotlovina) [A treasure discovered on the Uybat River (Minusinsk basin)]. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, no. 2, pp. 126–136.
- Leont'ev S.V., German P.V. (2015) Keramicheskii kompleks pervogo kul'turnogo gorizonta stoyanki Vzvoz, punkt 2 (Severnoe Priangar'e) [Ceramic complex of the first cultural horizon of the Vzvoz parking lot, point 2 (Northern Angara region)]. In: *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri* [Antiquities of Yenisei Siberia]. Krasnoyarsk: Sibirskii federal'nyi universitet, Is. VII, pp. 85–106.
- Leont'ev V.P., Drozdov N.I. (1996) Neizvestnye nakhodki bronzovykh izdelii kulaiskogo oblika v taezhnoi zone Srednei Sibiri [Unknown finds of bronze products of the Kulai appearance in the taiga zone of Central Siberia]. In: *Noveishie arheologicheskie i etnograficheskie otkrytiya v Sibiri* [The latest archaeological and ethnographic discoveries in Siberia]. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., pp. 157–160.
- Mandryka P.V. (2008) Novaya arheologicheskaya kul'tura rannego zheleznoogo veka v yuzhno-taезhnoi zone Srednei Sibiri [New archaeological culture of the Early Iron Age in the South Taiga zone of Central Siberia]. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, no. 3, pp. 68–76.
- Mandryka P.V. (2014) Problemy rannego zheleznoogo veka Severnogo Priangar'ya [Problems of the Early Iron Age of the Northern Angara region]. In: *Trudy IV (XX) vserossiiskogo arheologicheskogo s'ezda* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress]. Kazan': Otechestvo, Vol. 2, pp. 207–210.
- Mandryka P.V., Senotrusova P.O., Dedic A.V. (2021) Mogil'nik Pinchuga-6 – novyi pamyatnik finala epokhi zheleza v Nizhnem Priangar'e [The Pinchuga-6 burial ground is a new monument of the finale of the Iron Age in the Lower Angara region]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy*, no. 3, pp. 116–124. doi: 10.14258/tpai(2021)33(3).-07.
- Marchenko Zh.V., Garkusha Yu.N., Grishin A.E. (2012) Issledovaniya na mogil'nike Ust'-Zelinda 2 v 2012 godu [Research at the Ust'-Zelinda 2 burial ground in 2012]. In: *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., Vol. XVIII, pp. 455–460.
- Marchenko Zh.V., Grishin A.E., Garkusha Yu.N. (2024) Drevneishie shamanskіe atributy s Angary [The most ancient shamanic attributes from Angara]. *Stratum Plus*, no. 2. pp. 175–191. doi: 10.55086/sp242175191.
- Marchenko Zh.V., Grishin A.E., Dudko A.A., Garkusha Yu.N. (2014) Redkii vid bronzovykh figurnykh blyakh epokhi zheleza Vostochnoi i Zapadnoi Sibiri: k probleme traktovki ornamenta, ispol'zovaniya i datirovki predmetov [A rare type of bronze figurative plates of the Iron Age of Eastern and Western Siberia: on the problem of interpretation of ornament, use and dating of objects]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 13, Is. 5: *Arkheologiya i etnografiya*, pp. 228–239.
- Martynov A.I. (1979) *Lesostepnaya tagarskaya kul'tura* [Forest-steppe Tagarian culture]. Novosibirsk: Nauka.
- Molodin V.I., Garkusha Yu.N., Grishin A.E., Zhemerikin R.V., Marchenko Zh.V. (1999). K arheologicheskoi karta Zapadnoi Baraby [To the archaeological map of Western Baraba]. In: *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., Vol. V, pp. 439–445.
- Polos'mak N.V. (1994) «*Steregushchie zoloto grify*» (ak-alakhinskie kurgany) ["Vultures guarding gold" (Ak-Alakhin mounds)]. Novosibirsk: Nauka.
- Privalikhin V.I. (2011) Tsepan'skaya kul'tura rannego zheleznoogo veka Severnogo Priangar'ya. Istoriya otkrytiya, rezul'taty i perspektivy issledovaniy [Tsepan culture of the Early Iron Age of the Northern Angara region. The history of discovery, results and prospects of research]. In: *Vtoroi vek podvizhnichestva* [The second century of asceticism] / Ed. by

- V. Yaroshevskaya. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii kraevoi kraevedcheskii muzei, pp. 161–183.
- Privalikhin V.I. (2013) Issledovanie pogrebenii stoyanki i mogil'nika Sergushkin-1, punkta «A» v Severnom Priangar'e [Investigation of the burials of the Sergushkin-1 parking lot and burial ground, point "A" in the Northern Angara region]. In: *Arkheologicheskie issledovaniya drevnostei Nizhnei Angary i sopredel'nykh territorii* [Archaeological studies of the antiquities of the Lower Angara and adjacent territories] / Ed. by L.L. Karnaukhova. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii kraevoi kraevedcheskii muzei, pp. 73–91.
- Privalikhin V.I., Drozdov N.I., Makulov V.I. (2015) Bronzovye serpovidnye kinzhaly-bebuty tsepan'skoi kul'tury rannego zheznogo veka Severnogo Priangar'ya [Bronze crescent-shaped daggers-bebuts of the Tsepan culture of the Early Iron Age of the Northern Angara region]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, Vol. 6, pp. 139–144.
- Senotrusova P.O., Dedik A.V., Mandryka P.V. (2022) Pogrebal'nyi obryad naseleniya Nizhnego techeniya Angary v finale epokhi zheleza (po materialam mogil'nika Pinchuga-6) [The funeral rite of the population of the Lower Angara River in the final of the Iron Age (based on the materials of the Pinchuga-6 burial ground)]. *Kratkie soobshcheniya insituta arkheologii*, Is. 266, pp. 297–307. doi: 10.25681/IARAS.0130-2620.266.297-307.
- Senotrusova P.O., Mandryka P.V., Biryuleva K.V. (2023) Tonkovalikovaya keramika finala rannego zheznogo veka iz mogil'nika Pinchuga-6 (Nizhnee Priangar'e) [Fine-grained ceramics of the finale of the Early Iron Age from the Pinchuga-6 burial ground (Lower Angara region)]. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik*, Vol. 22, no. 1, pp. 128–138. doi: 10.15688/nav.jvolsu.2023.1.9.
- Senotrusova P.O., Khavrin S.V., Ekkerdt A.A., Mandryka P.V. (2024) Bronzovye predmety iz mogil'nika Pinchuga-6 v Nizhnem Priangar'e [Bronze objects from the Pinchuga-6 burial ground in the Lower Angara region]. *Vestnik arkheologii, etnografii i antropologii*, no. 1 (64), pp. 70–82. doi: 10.20874/2071-0437-2024-64-1-6.
- Semenov V.I.A. (1997) *Mongun-Taiga (arkheologicheskie issledovaniya v Tuve 1994–1995 gody)* [Mongun-Taiga (archaeological research in Tuva 1994–1995)]. St. Petersburg.
- Semenov V.I.A. (2003) *Sugluk-Khem i Khaiyrakan – mogil'niki skifskogo vremeni v Tsentral'no-tuvinskoi kotlovine* [Sugluk-Khem and Khaiyrakan are burial grounds of the Scythian period in the Central Tuvan basin]. St. Petersburg: «Peterburgskoe Vostokovedenie».
- Shirin Yu.V. (2018) Ptitsegolovye pojasnye nakladki nachala I tys. v kul'turnom prostranstve ot Urala do Angary [Bird-headed belt pads of the beginning of the I millennium in the cultural space from the Urals to Angara]. In: *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie* [XXI Ural Archaeological Meeting] / Ed. by A.A. Vybornov. Samara: Samarskii gosudarstvennyi sotsial'no-pedagogicheskii universitet, pp. 258–260.
- Shul'ga P.I. (2003) *Mogil'nik skifskogo vremeni Lokot'-4a* [Burial ground of the Scythian period Lokot'-4a]. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta.
- Shul'ga P.I. (2015) *Snaryazhenie verkhovoi loshadi v Gornom Altae i Verkhnem Priob'e. Chast' II (sredneskifskoe vremya)* [Riding horse equipment in the Altai Mountains and the Upper Ob region. Part II (Middle Scythian time)]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Shul'ga P.I. (2023) Pojasnye blyashki staroaleiskoi kul'tury: proiskhozhdenie i ispol'zovanie [Belt plaques of the Staroaleiskoi culture: origin and use]. *Narody i religii Evrazii*. Vol. 28, no. 3, pp. 99–119. doi: 10.14258/nreur(2023)3-05.
- Shul'ga P.I., Garkusha Yu.N., Grishin A.E., Marchenko Zh.V. (2025) Pogrebeniya s ingumatsiei kremirovannykh ostankov na mogil'nike Ust'-Zelinda-2 v Severnom Priangar'e: k probleme tipologii i khronologii inventarya [Burials with inhumation of cremated remains at the Ust'-Zelinda-2 burial ground in the Northern Angara region: on the problem of typology and chronology of inventory]. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia* (in press).

Shul'ga P.I., Umanskii A.P., Mogil'nikov V.A. (2009) *Novotroitskii nekropol'* [Novotroitskiy necropolis]. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta.

Сведения об авторах:

ШУЛЬГА Петр Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: shulgapi55@yandex.ru

ГРИШИН Артем Евгеньевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: artem-grishin@mail.ru

МАРЧЕНКО Жанна Валерьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: afrika_77@mail.ru

ГАРКУША Юрий Николаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: garkusha_y@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Petr I. Shulga, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: shulgapi55@yandex.ru

Artem E. Grishin, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: artem-grishin@mail.ru

Zhanna V. Marchenko, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: afrika_77@mail.ru

Yuri N. Garkusha, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: garkusha_y@list.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 8 мая 2024;
принята к публикации 14 октября 2024.*

*The article was submitted 08.05.2024;
accepted for publication 14.10.2024.*